

Наталья СЛЮСАРЕВА

г. Москва

«О, СОЛЕ МИО»

«Амаркорд» с диалекта Романьи – «я вспоминаю». Я вспоминаю плачущую маму на последних кадрах «Ночи Кабирии», растрепанный сборник неаполитанских песен с гондольером на обложке, первого знакомого итальянца, переводчика редакции «Прогресс», где я подрабатывала корректором, с красивой звучной фамилией Монтинджелли.

Италия позвала меня к себе сильно и определенно достаточно рано. Прошла своей синезеленой строчкой, выложила мои маршруты мозаикой непохожих городов, поднимая и опуская по своей культурной лестнице в такую глубину, что, право, не верилось, что такое возможно.

Едем на машинах где-то по провинции Лацио, забираем вверх в один из высоких городков, что – прилично над уровнем моря. Высунувшись из окна навстречу теплому ветерку, все внимательно разглядываю. Замечаю внушительную каменную кладку, опоясывающую некое поселение. Каменные глыбы настолько огромны, что без специальной техники здесь не обойтись.

– Кто же возвел такую ограду? – любопытствую я.

– А это циклопы выкладывали, – безмятежно отвечают итальянцы.

– Какие такие циклопы? – Перестаю толково соображать.

– Большие, сильные люди, великаны. Они тут жили, в этих местах.

Кладка, выходит, ручная. Перед моим внутренним зрением юркий черноглазый Одиссей хитрит в пещере, гоняет одноглазого Полифема, сейчас обманет и вырвется на свободу. Миф, реальность, сказка? Поди разбери.

АМАРКОРД

«ЛА СКАЛА»

Из Италии, из ее далека, многое, спустившись по ловодьем, влилось в современный мир.

Нынешние невесты, несущие свои головки к алтарю под вуалью, не догадываются, что этому обычаю, этой метке они обязаны латинским парням, подхватившим каждый по штуке полотна, чтобы было во что завернуть разбегающихся сабинянок. Нашим казакам, конечно, сподручнее: за косу и через седло. Но как не отметить европейское отношение к женщине – прежде чем выкрасть, укрыть, чтоб не мерзла.

Факту появления мебели в мире мы также обязаны Риму. Но не тому великому, вечному, с мраморными ложами, а уже павшему, разграбленному. Несколько лет, как варвары волокут по европейской равнине из вечного Рима сундуки с награбленным. Когда первый косматый дак поставил у себя в тесной хижине сундук на попа для экономии пространства, в мире появился гардероб.

Одному гениальному Леонардо мы обязаны столькими изобретениями. Музы искусств, окружив Леля-Аполлона-хороводника, кажется, долгое время пребывали исключительно на апенинской лужайке.

Италия началась в моей жизни с «канто», с пения, еще когда я училась в школе, параллельно занимаясь музыкой, разучивала первые гаммы на пианино. Bella Италия вошла песней, канцонной, целым сборником песен, песен не просто итальянских – неаполитанских, на неаполитанском же диалекте. «Catari!» – о неверном сердце, «Santa Lucia» – о ветерке над заливом, но, безусловно, самой любимой была канцона о том, кто всех греет, ласкает, дает жизнь – о солнце. «О, sole mio» – так она называлась. К ней полагался красивейший ангельский голос Робертино Лоретти, позже – добряка Лучано Паваротти. Первоклассным бельканто проникновенно доносилась истина о том, что самая прекрасная вещь – полуденное солнце и что оно еще великолепнее после грозы. В припеве тенор просил обратить внимание на то, что на свете существует нечто прекраснее, нежели солнце. И это – Ты, что стоишь напротив меня. «О, мое солнце, ты стоишь прямо напротив меня!» Под русским текстом, прямо под нотами, маленькими латинскими буквицами шел текст на неаполитанском диалекте. Хотелось его петь, разводить рулады, пока никого не было дома, чтобы остановить неангельское пение. Что-то можно было прочитать легко... «О, sole mio»...

1989 год, октябрь. Первый опыт работы с настоящими итальянцами. Первые настоящие – не простые итальянцы – знаменитая труппа миланского театра «Ла Скала». Турне итальянского театра в Россию, второе после 1977 года, с примадоннами, оркестром, знаменитым дирижером, любимцем всей Италии, Риккардо Мути, и даже со своим рестораном. Размещение в Москве – в гостинице «Россия». В мой первый рабочий день переводчицом жена маэстро, выглянув в коридор и обнаружив там меня, просит принести ей в номер «аттаккаппани». Я еще не в совершенстве владею языком божественного Данте. Я не знаю такого слова – «аттаккаппани». Я испытываю настоящий ужас. Понимаю только, что следует что-то принести. «Si, si, subito, signora», – реагирую я по-итальянски, улыбаясь. «Да, да, синьора, сейчас...» Я скрываюсь в гостиничном туалете, достаю из сумочки словарь и совершаю лингвистическое открытие. «Attaccapanni» означает вешалки.

Рабочие дни, каждый из которых чудесен. Хочется их длить. После рабочего дня сидим вместе – русские переводчики, итальянские оркестранты – в ресторане гостиницы «Россия» за итальянским ужином. Непременная паста. Тарелка с макаронами. Продукты и повар, выписанные из Италии, сопровождают театр на турне. Сам главный дирижер, маэстро Мути, после представления – за одним столиком с поваром. Шутят. Легкие они, эти итальянцы.

С десяти утра я на репетициях в Большом театре. Отмечаю культуру пения, никаких особых нажимов, педалированных голосом. Мути, как всегда, сконцентрирован, весь в работе. Нахожу в этом большой аристократизм. На тех же репетициях гардеробщицы Большого, этикие Наины, злобно гоняют зябнувших итальянских примадонн, сидящих в зале в накинутых норковых шубках (в театре действительно прохладно) в гардероб. «Запрещено в верхней одежде». Сглаживаю международный конфликт.

На спектакль Моцарта «Cosi fan tutte» («Так поступают все») жена директора театра г-жа Бадини отдает мне свой билет в третьем ряду партера, сама пьет кофе с друзьями в администраторской внизу, видела этот спектакль сотни раз. В третьем ряду партера, в самой середине, я таю, как сливочный пломбир, от музыки Моцарта, золотых лож и черного фрака Риккардо Мути, в которого уже немножко влюблена. Прямо предо мной

спина другой европейской знаменитости – дирижера Лорена Маазеля. С приездом Маазеля вышел небольшой курьез.

Маэстро, имея весьма плотный график выступлений, должен был прилететь в Москву буквально к началу представления. Один спектакль с его участием в программе гастролей давали в Кремлевском Дворце съездов. Время ограничено. «А что, если за маэстро в Шереметьево-2 выслать вертолет, с тем чтобы он впоследствии приземлился на крыше Кремлевского Дворца съездов?» – искреннее предложение организационного комитета итальянцев. Итальянская сторона ждет от принимающей стороны одобрения и оценку их сообразительности. Принимающая сторона на такое дельное предложение даже развеселилась и предложила итальянской стороне напрочь забыть о таком не имеющем место абсурде. Хотя, как ни странно и ни смешно, именно таковой курьез и произошел на фоне кремлевской кладки не далее как за год до этого разговора – приземление немецкого парня на Красной площади. Всегда может случиться то, что никогда не может произойти. Не помню уже, как добирался Лорен Маазель до своего дирижерского пульта, но спектакль «Турандот» Пуччини на сцене дворца прошел под крики «бис», «браво» и долгие немолкнущие овации.

В шестидесятые годы Игорь Стравинский не смог досмотреть во Дворце съездов свои балеты: «Весна священная», «Петрушка». В огромном пространстве, в шесть тысяч квадратных метров на столько же тысяч мест, балеты просто пропадали. Как ни странно, бетонный ангар эпохи советского конструктивизма весьма сгодился для капризной китайской принцессы. «Турандот» в пышной постановке эстета Дзеффирелли – изобильно льющееся золото с декораций и костюмов – замечательно смотрелся со сцены полигона для проведения очередных и внеочередных съездов. Исполнительница главной роли, болгарская певица Гена Димитрова, обладая мощным голосом, в буквальном смысле голосит всю и на всю ивановскую. Ивановская площадь – одна из площадей Кремля. Здесь с колокольни Ивана Великого в эпохальные времена оглашались царские указы.

В середине гастролей на одно представление – «Реквием» Верди – летим в Ленинград. Мариинский театр со знаменитым занавесом, расписанным Бакстом. Перед представлением потомки питерского семейства Бенуа с горячностью жмут руку итальянскому дирижеру. Появившись из-за кулис, взмахнув дирижерской палочкой, маэстро дал знак начать мессу – церемонию прощания с

жизнью. Но прощания не было. В пламенном исполнении Мути прозвучал такой гимн жизни, такой, по сути, ее вопль, что мурашки по коже. После исполнения, перед грозой – гробовая тишина на некоторое количество секунд. Волне музыки дается время накатить, накрыть и отхлынуть девятым валом аплодисментов. Да, искусство заразительно. Особенно дирижеров. Когда такой зараза дирижер, как Мути, дирижирует, не могу удержаться. Дирижирую в гостиничном номере, по памяти, за неимением палочки, бананом. Апофеоз. Шкурка банана взлетает под потолок.

Возвращаемся в Москву. На концерт в консерваторию, смяв цепь контролеров, прорвалась отчаявшаяся публика. Билеты на спектакли в продажу так и не поступили. Госконцерт не смог дать толкового объяснения данному факту. Цены на билеты на черном рынке начинались с цифр от средней трехмесячной зарплаты. В тот вечер слушателей-сельдей в консерватории, и я в том числе, в таком количестве собралось на балконе, на всех ступеньках и по всем перилам, что существовала серьезная угроза обрушения. Композиторы во главе с Моцартом из овальных рам своих портретов с опаской косились на галерку. Такого, кажется, не было со времен выступления Горовица в Москве.

В одно из воскресений на трех машинах едем в Троицкую лавру, тогда еще в Загорск. По обочинам – золотые осины, исполняющие некое тремоло всеми своими листиками. Красное, желтое, зеленое. Краски подмосковной осени. В лавре радушной батюшка, главный регент, устраивает для итальянских гостей концерт. Колокольный звон с центральной высокой колокольни. Гулкий торжественный звон царя-колокола сменяется щебечущим, малиновым, пасхальным. Гости – в восторге, все же вокруг музыканты.

В другие выходные вся театральная труппа флагирует по территории Измайловского рынка. Шаги, самовары, матрешки, иконы. Иконы – рядами, в окладах, на земле. За сто долларов выбирай любой иконостас. Не особо понимая, что можно, что нельзя, итальянцы набрали на рынке икон и икры. И при проходе таможен расстались с иконами и банками с икрой в Шереметьево. «Арривидерчи иль театро. Увидимся ли?..»

ЧИСТАЯ «ANDATA»

Через пару лет я сама, кажется, собираюсь за границу. В Италию. Из того же международ-

ного аэропорта Шереметьево. Взмыли в вертикаль, оставив внизу ртутные ручейки дорог, по которым, божьими коровками, – автомобили, шпильки сталинских высоток. Оставили, словом, под крылом столицу. В иллюминаторе – белая вата облаков. Хорошо. Ну разве может быть еще где-нибудь так хорошо, как в дребезжащем хвосте эконом-класса, самой безопасной точке всех воздушных кораблей. Тут и курить сподручнее. Через два ряда – туалет. «Да», «хорошо»...

Первая граница в начале девяностых в Италию, в Тоскану. Даже когда фирма официально объявила, что возьмет меня переводчицей, и запросила данные на выписку специального служебного зарубежного паспорта, я им не поверила. Что я, наших не знаю? Что-нибудь да изменится: обманут или прежнее фирму их рекламная развалится. Но ничего не развалилось. Чудеса. Неделя культуры в тосканском городке Ареццо стоит в плане, и я – в составе культурной делегации. Билет в эконом-классе на Ту-104 оплачен «*andata e ritorno*», «туда и обратно», как положено, и, как говорится, все путем.

Стюардессы стайками оживились, продвигают все ближе к нашему ряду тележки с едой. На выбор: курица с рисом или рыба. Выбираю курицу, из напитков как само собой разумеющееся – полупрозрачный стаканчик красного сухого вина, хотя отмечаю: на передних сиденьях иностранки пьют исключительно минералку. «Ладно, у нас особые условия, я, считай, в прифронтовых условиях живу».

Соседка слева из нашей группы, профессор искусствоведения, немного мнется, потом решает. Глазами – на аэрофлотское хозяйство – пластмассовую короткую чашечку с ручкой, из которой допиваю растворимый кофе: «Простите великодушно, вы это будете себе оставлять?» То есть чашечку. Я слегка удивленно: «Нет». «Можно тогда я возьму?» Я: «Конечно». Сама понимаю, что она уже думает о сувенирах, которые привезет в семью из-за границы. Пластмассовая чашечка – это первый. Отмечаю про себя заботу о семье. Протягиваю чашечку, окидываю ее последним прощальным взглядом, симпатичная ведь чашечка, может, поторопилась? Но у Аэрофлота никогда себе ничего не брала, да и до возвращения в Москву еще целых две недели. Наберу сувениров. Главное, что сейчас я в этом турбулентеньком хвостике лечу туда, туда... Чистая «*andata*», никаких пока еще «*ritorno*», разве это по-настоящему не здорово?

СУПЧИК ДЛЯ БЕДНЫХ

В лукошке с частыми итальянскими грибочками-городками Ареццо – самый рыжий из подосиновиков. Рыжие крыши. Чудесная архитектура, не знающая законов перспективы. Но самая большая беда, как пел Челентано, – «это наши архитекторы». Нет, со строительством и с культурой у них как раз все в порядке. В Ареццо, на совещании в префектуре, загляделась на большой старинный резной стол, за которым мы проводим совещание. «Откуда же такой замечательный стол?» – осведомляюсь. «А за этим столом еще Вазари заседал, член нашего местного городского совета».

Вазари. Житель Ареццо, известный архитектор, писатель, художник, автор биографий всех знаменитых итальянских художников. Годы жизни: 1511–1574. Выходит, что за пятьсот лет местные горожане не нашли повода ни выкинуть этот стол, ни сжечь, ни порубить на дрова. Удивительная страна Италия.

Там же, в Ареццо, я впервые попробовала лавровый лист прямо с куста, один такой лакированный листик сочного зеленого цвета. У подножья высокой башни, за которую наверняка цеплялись демоны, не желая покидать город, когда их изгонял Святой Франциск, не торопясь рос крепкий лавровый куст. В свое время межнациональные конфликты лишили меня возможности сделать это в Сухуми, а в Никитском ботаническом саду я сама прошла мимо аккуратно стриженных лавровых бордюров, дивясь более на высокий бамбук, из чьего сегментобразного удилища можно было настричь немалое количество флейт. Благородный лавровый лист, смахивавший более на пластмассовый, – ибо, благодаря, конечно, инъекциям «ботекса», этот древний куст гордился своим неправдоподобно молодым лицом – легко переломился в моей руке, одарив терпким ароматом и вкусом крепчайшей горечи.

Петрарка, сам родом из Ареццо, по чьей горбатой улице я спускаюсь вниз, остается дома готовить обед. Ему единственному не надо выходить на улицу за лавром. За хворостом – да, но не за лавром. Подняв бледную поэтическую длань ко лбу, он сщипывает узкий породистый «*laugo*» со своего венка и бросает его в супчик. Мысли его постоянно заняты тем же лавром, лаврой, Лаурой. *Laura*. «Под сенью зеленеющего лавра я видел донну, что свежей, чем снег». «Мои мечты сойдут тогда лишь в дол, когда не будет зелени у лавра». «Хочу я вечно быть под сенью лавра, в любую пору, будь то зной или снег».

Минестроне – суп – готовится долго. Сочините-

ля, не знавшего ломких корытец с поседевшими представителями многочисленного семейства «Ролтонов», картонных стаканов, заполненных на треть пересолённой желтой пудрой, убегающей от тебя каплей странного масла в пакетике, стоит пожалеть. Сколько ненаписанных сонетов на сэкономленных от готовки первых минут. Этот еще, пожалуй, и яйцо вобьет в горстку муки и не торопясь начнет раскатывать круг теста потоньше – на домашнюю лапшу, «таляттели», для заправки бульонов.

Чудак Петрарка, право слово, всю жизнь любил одну женщину. Двадцать сонетов на жизнь донны Лауры. Двадцать сонетов на смерть донны Лауры. Удивительное однообразие...

*Я самому себе дивлюсь порою:
Иду вперед, все ига не свергая
Прекрасного: вотще подчас шагая...
Честь, доблесть, красота, порыв благой,
Речь сладкая влекли к ветвям меня.
И сердце ждало сладостного плода...
В год тысяча трехсот двадцать седьмой,
В апреле, в первый час шестого дня,
Вошел я в лабиринт, где нет исхода.*

Что тут скажешь. Люби, конечно. «У каждого мгновенья свой резон». Хотя известный мне рецепт сицилийского супа для бедняков, вернее, его приготовление, не отнимает много времени. «В кипяток, то есть в пустую воду, но очень горячую, «акуа боли-та», кипящую, одним словом». Я старательно записываю. «Добавить пол-лимона». Вспоминаю кривизну своей улыбки в этом месте. Оказывается, бедняки в Италии спокойно распоряжаются лимонами. Хороши, так сказать, «повери». Кривизна обостряется после пассажа – влить в суп полную столовую ложку оливкового масла. Надо отметить, что запись эта происходила в рамках одной из первых итальянских сельскохозяйственных выставок в Сокольниках, в дни тонких предчувствий перестройки, когда живы были магазины «Березки», где и продавалось сие масло, тяжелое густое оливковое масло для богатых, но никак не для бедных.

Регион Сицилии, на презентации которого я свела дружбу с загорелым журналистом Серджио, хвалился оливками, артишоками и, конечно, ликером из горького миндаля, знаменитым «Сарончино». На выставке из «продотти» меня особенно поразили гигантские оливки в бутылках, каждая размером с упитанную мышь.

«Порезать помидоры... – Тоже не так уж дешево. – И, – кончает диктовать Серджио – покрошить в

суп хлеб. Все». Что ж, внутренне я смирилась. Хлеб есть хлеб. Но лимоны? Не дольку, а пол-лимона. Расточительно. Подумать только. Бедный юг.

ТОМБА МЕДИЧИ

Во Флоренции, во время моего краткого броска туда на день, на центральной площади Синьории, где фонтан, скульптуры Челлини, очередь в Уфицци, подхожу к местным полицейским и спрашиваю у них, как пройти к Tomba Medici. Известнейший скульптурный ансамбль Микеланджело – «Утро», «Ночь», «День», «Вечер».

Medici – то есть медики, врачи. Медиками все началось, медиками все и закончилось. Первые Медичи по профессии были как раз врачами. Через медика прервалась жизнь одного из славнейших представителей этого рода – Лоренцо Медичи. У Лоренцо была язва или что-то в этом роде, и придворный медик, который, кстати, очень любил своего сюзерена, накормил его толчеными изумрудами, хотел как лучше. Жизнерадостный герцог, который обычно, когда у него ничего не болело, напевал сочиненный им гимн «Счастлив будь, кто счастья хочет, и на завтра не надейся», скончался за несколько часов в жестоких мучениях. Пользующий его медик бросился тут же от отчаянья в колодезь, в котором и утонул. Врачебная ошибка, с кем не бывает...

Подхожу и осведомляюсь, как пройти к tombe Medici. Полицейские – два молодых черноглазых парня – очень вежливо ко мне прислушиваются и переспрашивают:

- Tomba Medici?
- Я, так же вежливо:
- Sì, Tomba Medici.
- Proprio Tomba Medici? (Именно томба Медичи?)
- Sì, sì, Tomba Medici.
- A, Tomba Medici?
- Sì, Medici, Medici.

Потом один из них разворачивается к другому и так активно его спрашивает: «Ты знаешь, где находится могила Медичи?» Второй, поднимая плечи и делая такую итальянскую гримаску, отвечает: «No!» – мол, откуда мне знать. И потом, повернувшись ко мне, в один голос: «No, signora, purtroppo no». К сожалению, нет... Конечно, надо было спросить про усыпальницу. А я их сразу огорошила этой «томбой», то есть могилой. Но я тоже не «гугли-переводчик». Не могу сразу вспомнить, как по-итальянски будет усыпальница. В сущности, это было очень потешно, и как они хотели мне помочь, но это

было все равно как на Красной площади спрашивать, где у вас тут мавзолей.

Последняя же из рода Медичи, Анна Мария Луиза, после смерти брата, не имея потомства, в 1737 году передала бесценные сокровища городу. Благодарная Флоренция, воздвигнув ей памятник, каждый год отмечает акт передачи костюмированным шествием по улицам, речью мэра, гуляньем.

В начале двадцатого века подобного рода завещание писала в России богатейшая наследница Зинаида Юсупова, завещая Архангельское и все предметы искусства государству в случае прекращения их рода. В 1917 году, не смутившись фактом, что род Юсуповых не пресекся (у князя Феликса Феликсовича Юсупова и Ирины Александровны Романовой в 1915 году родилась дочь Ирина), государство забрало все себе. Уже в Париже, в двадцатые годы, забредя случайно на выставку-аукцион, князь Юсупов узрел на ней предметы обстановки своего дворца, выставленные Советами на продажу. Мало сказать, огорчился. Прошел в глубь экспозиции, подхватил под руки две ценные китайские напольные вазы и пошел к выходу. На выходе сторож загородил собой дорогу, засвистал главного коменданта. Главный, разумеется, князя узнал. Феликс ему невозмутимо говорит: «Если вы меня сейчас не выпустите, я разожму руки». Комендант помолчал минуту, а потом дал знак выпустить. Русский герцог, насвистывая: «а на завтра не надейся», снес вазы в ближайшую антикварную лавку, а оттуда напрямиком – в русский кабачок.

Несильно расстроившись фактом отсутствия усыпальницы, я провела хорошее время в Уфицици с Боттичелли, а когда вышла, то пошла налево вдоль набережной. Арно – река совершенно золотая, самая золотая вода, которую я когда-либо видела, вероятно особое дно и закат солнца, – и свернула на Ponte Vecchio, там еще ювелирные лавки, Старый мост, известный по всем фотографиям и судьбоносной встречей на нем Петрарки с Лаурой, и увидела, как очень молодые девушка и юноша целовались на этом очень старом мосту. У нас увидеть такое на улице было редкостью. Я как-то замедлила шаг. Так мне захотелось продлить тот поцелуй во Флоренции. Может, они и золотят воду?

СВИДАНИЕ С БРОДСКИМ

Venezia коронуется заглавной буквой V, с которой и в которой – и ветер (vento), и парус (vela), и сам зеленый цвет моря (verde). И, конечно, Vittoria. Победа на суше и на море.

Достаточно долгое время я сохраняла убеждение в том, что именно в Венеции на кладбище, где собралась компания блестящих русских, лежит мой любимый поэт. И только совсем недавно случайно узнала, что «мой поэт», английский певец прекрасного Джон Китс, похоронен в Риме. Любимый поэт покоится в Венеции на острове Сан-Микеле. Хорошо бы съездить навещать. «Любимый поэт – на венецианском кладбище. Хорошо бы принести ему маргариток». Все это время ложное убеждение хранило свою тайну. И только в мае 1998 года, удобно расположившись на сырой кладбищенской траве, оно торопливо и обрадованно стало натягивать платье на голое тело поэта. Костюмчик пришелся впору. Не пришлось ничего ни ушивать, ни расставлять. «Любимый поэт лежит на кладбище Сан-Микеле. Надо бы съездить...»

В полночь гондолы выбирают на берег, опираясь на свои посохи-сваи. Зброшенные в темную воду томагавки не могут согреться, требуя накинуть на их узкие плечи палантин, плед, плащ, в конце концов. Кавалеру зябко и страшно пробираться на свидание мимо львов. Львов – сторожевых, но уже таких старых, что голуби безбоязненно садятся на их мраморные кудри, а звяканье шпор с высокого сапога кавалера отзывается в них не коротким царственным рыком, а долгим глухим ворчаньем, переходящим в сонное похрапывание.

Лев на углу дворца «Salviati» лапой катает шар. Левая сторона морды изъедена ветром, солью, волною. Сколько можно огрызаться на миллиардную армию брызг-блох, кусающих его ежесекундно.

Я тоже гуляла по зимней Венеции, но кто после тебя, Иосиф, – Иосиф печальный, Иосиф прекрасный, – осмелится дотронуться до ее амальгамы? Ты любишь «морщинки моря», как и я. И знаешь, я совсем не против присесть за твой столик в кафе любого из венецианских «оне» – balcone, perone, stazione... Будь я первая красавица... А ты оставайся таким как есть – рыжим, гениальным поэтом. Без красавицы, знаю, ты меня до себя не допустишь – сбежишь, не добрав из узкой рюмки последней капли теплой граппы, или с налету накроешь своим коротким плащом мраморный столик с отчаянным клекотом гибнущего беркута – «нет, нет, нет!»...

Потому-то на мне – тончайшая золотая сетка с жемчугами, укрощающая волну того же отлива кудрей. Моя белоснежная кожа (di una vega veneziana), коралловые губы, глаза цвета лагуны, высокое чело шотландских королей постепенно укрощают

твой гнев. Отдохнув взором на моей совершенной красоте, сглотив виноградной водки, ты буркнешь почти миролюбиво: «prego» – прошу.

С тобою непросто, Иосиф. Ох как непросто. Я знаю, что после опыта твоей северной любви ты ко всем женщинам относишься несерьезно. Мысленно я дарю тебе шпиль с Адмиралтейства, каналы с чижиками, бурные водоросли Финского залива. Нью-хай. Перебирай. Тебе это не нужно. Понимаю. Ты выбрал для себя точку и смотришь поверх меня в стрельчатые окна палаццо. С тобою трудно, Иосиф, очень трудно. Ты капризен, привередлив. Ты ускользаешь. Но я согласна многое сносить. Поэты – такая редкость. Я даже, пожалуй, вылечу твое сердце. Отчетливо выговаривая слова, чтобы ты усвоил, не торопясь я произношу: «Иосиф, запомни: главный принцип сердца – безмятежность».

Луч, выстреливший из дворцового окна Сан-Марко, топит в золотой пыли голубей и кривые сваи лакированных гондол. «Хочешь, я подарю тебе молодую Ахматову? Ты, Она и Модильяни. Втроем вы спускаетесь к веселым красным мельницам. О чем ты так упорно молчишь? До появления мавров на башне еще далеко. Чего же ты хочешь? Только не смотри с такой тоской на мою жемчужную сеточку в волосах и в сторону острова Сан-Микеле. В конце концов, это несносно. Иосиф, стой! Не уходи... Прости, прости меня. Не обижайся. Посмотри, какое на мне ожерелье. Куда ты?... Ты не заплатил за граппу, рыжий черт! Вернись... Иосиф...»

Интересно, Бродский – для меня живое воплощение литературного персонажа – доктора Живаго. Просто Юрий Живаго. Частный случай. Все, что на первый взгляд представляется виртуальной историей литературного героя, происходило, с небольшими вариациями, в реальности с Иосифом Бродским. Кажется, он наступил на все социальные грабли, отпущенные ему эпохой. Не гражданская война – так судилище, не пленение в партизанском отряде – ссылка на черную пахоту на сто первый километр, даже в творчестве – тождественные цветы – изумительные рождественские гимны. Кстати, Андрон Кончаловский как-то не без иронии заметил, что в Италии, к примеру, на сто первый километр не сошлешь. От Рима на этом расстоянии – Флоренция. Цветок.

И все-таки Пастернак, понимая как никто в поэтах, как будто с него писал главного героя, вручив Бродскому сценарий с надеждой, что у того получится лучше, чем у Живаго, и ведь получилось же. Задав нитроглицерином приступ, отдышавшись, Бродский выходит из трамвая живым. До

финальной остановки в депо – еще несколько пересадок. На одной из них его ждет Нобелевская премия. Гордячка Нобелевская, не привыкшая к откатам, тем более в России, всучила себя литературному персонажу.

«...Какое счастье, – записывает Живаго в Варыкино, – работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону...»

Сколько мыслей проходит через сознание, сколько нового передумает, пока руки заняты мускульной, телесной, черной или плотничьей работой; пока ставишь себе разумные, физически разрешимые задачи, вознаграждающие за исполнение радостью и удачей; пока шесть часов кряду тешешь что-нибудь топором или копаешь землю под открытым небом, обжигающим тебя своим благодатным дыханием... Городской затворник, крепким черным кофе или табаком подхлестывающий упавшие нервы и воображение, ты не знаешь самого могучего наркотика, заключающегося в непритворной нужде и крепком здоровье».

А это Иосиф, 1964 год, ссылка в Норенской. «Когда поутру встаешь в деревне, – да, впрочем, и где угодно, – и идешь на работу, шагаешь в сапогах через поле... и знаешь, что почти все население страны в этот час занято тем же самым, то возникает бодрящее чувство общности. С птичьего полета, с высоты полета голубя или ястреба картина будет везде одна и та же. В этом смысле опыт ссылки даром для меня не прошел. Мне открылись какие-то основы жизни...»

В каждой столице, да и в каждом крупном городе – несколько кладбищ. В Москве – Ваганьковское, и старое немецкое, и помпезное Новодевичье, и др. В Венеции «чимитеро» – одно. И даже не «чимитеро», кладбище, а – целый остров. Сан-Микеле. Остров Мертвых, см. картину Арнольда Беклина. И каждого, прошедшего свой путь не до половины, а до конца, отвзят туда на специальной похоронной гондоле. По водам. По воде. Как – короля Артура на остров Авалон. По преданию, король Артур не умер, спит, укрывшись плащом, сбоку верный Экскалибур...

Когда настанут положенные времена, он вернется...

В сумерках, когда с туманной набережной Сан-Марко смотришь в сторону Сан-Микеле, высматриваешь гондолу, на которой возвращаются с кипарисного острова Дягилев, Стравинский, Бродский...

АМАРКОРД

Весь июнь хожу в музей им.Пушкина. Каждое утро поднимаюсь по парадной лестнице не посетителем, почти сотрудником, нанятым переводить организацию проведения выставки рисунков Федерико Феллини в Москве. Июнь 2005 года – душный, влажный. В музее дышать нечем, как в сауне, каждые полчаса выскакиваем на улицу, кто – курить, я – за глотком знойного раскаленного воздуха.

В кабинете директора Ирины Антоновой – совещание. Размещаемся за большим музейным столом. Слева от меня директор итальянского музея в Риме, аналог нашего ГМИИ им. Пушкина. Я уже знаю, по секрету, что он хочет выпросить на выставку в Рим у Антоновой Гогена. У нас лучшие его работы. «Доттор диретторе» ее немного побаивается. «О, Антонова! Уна персона гранде!» Указательный палец вверх, в пропадающий в поднебесье лепной потолок. «Сегретария ди Сталин!» Палец еще более внушительно вверх – и запускается метрономом на мерное раскачивание. «Сталин!» у него звучит, как «Нерон».

Директор тарыхтит по-итальянски. Я тарыхчу перевод на русский. Директор перечисляет пункты договора. Римский музей и ассоциация Феллини берут на себя практически все расходы по организации, размещению и т.д.

На широкий стол из папки по одному выкладываются рисунки маэстро – фантазийные, гротескные, иронично-эротичные, в чем-то схожие с эйзенштейновскими. Госпожа Антонова перебирает листки, некоторые откладывает в сторону.

– Все-таки к нам ходят дети, некоторые рисунки мы выставить не сможем.

Часть работ отправят в галерею на Солянке, туда же – и фотографии.

Феллини имел привычку рисовать на всем что угодно: на клочках бумаги, газетных обрывках, на скатертях, салфетках. Если кто-либо из друзей успевал выхватить из-под руки маэстро рисунок, он был спасен, а так скомканный летел в корзину. Процесс рисования никогда не прекращался. Как он сам признавался, так он устанавливал связь с будущим фильмом. Возможность водить карандашом по бумаге Феллини открыл для себя еще на уроках в школе. «Школа дала мне возможность рисовать, пока я делал вид, что конспектирую или пишу, и, следовательно, дала мне возможность жить в мире своих фантазий, пока я делал вид, что слушаю преподавателей. Я скрыто рисовал карикатуры, надеясь, что меня никогда не разоб-

лечат». («Я – Федерико Феллини», издательство Мондадори.)

Кроме рисунков на выставке представлены также костюмы из его фильмов. Феллини в работе был неуступчив, дотошлив. Ему был нужен какой-то именно тот единственный цвет. Он накупил дорожного синего шелка на рубашку для своего Казановы. Но в итоге синий шелк не пригодился, кадр вырезали. Многие вещи мастерил своими руками. Он, кстати, разорял всех продюсеров, с которыми работал. Часто ругался с церковью. В то время когда наши режиссеры обивали пороги ЦК и Министерства культуры, Феллини обивал пороги кардинальских резиденций...

Феллини любит Мastroяни. Марчелло самый любимый его актер. «Марчеллино может все». Мastroяни не любит Аниту Экберг, с которой снимается в главных ролях в «Сладкой жизни». Она напоминает ему немецкого зольдата-здоровяка, пытающегося загнать малыша Марчелло в грузовик. Юркий Буратино шныряет между сапог фрица Карабаса, не даваясь ни в плен, ни в печь. Мазина любит Федерико и не будет жить без него. «Федерико – это все, что у меня есть».

– Как все-таки ушел маэстро из жизни? – спрашиваю я тех, кто его знал.

– У Джульетты обнаружили рак. Когда об этом сказали Феллини (конечно, не следовало), с ним произошел шок. Он испугался. И сгорел раньше ее.

Он испугался, а она была храбрая. Она купила маленькое черное платье и полетела одна в Лос-Анджелес, на авось, на вручение «Оскара». Никто не верил, что второй год подряд могут дать премию одному режиссеру. В аэропорту ее никто не встретил. Еле успела на открытие, кто-то из итальянцев узнал ее в аэропорту и подвез. Вечером на церемонии вручения (в категории «Лучший зарубежный фильм» было представлено три фильма), когда она услышала первое слово – «night» – ночь, она уже шла к сцене. «Ночи Кабирии».

Любимым блюдом Феллини были «cappelletti» – шапочки, маленькие пельмени, типичное блюдо его родных мест – Эмилии Романьи. В 1963 году в Москве, на фестивале, когда художники буквально вырвали у чиновников непростую победу, главный приз для «8 с половиной», кинорежиссер Сергей Герасимов, принимавший Феллини дома, накормил его русскими пельменями. Федерико, решивший, что их приготовили специально в его честь, удивился, узнав, что это исконно русское блюдо. Сразу установился особый контакт. «Мне показалось, – писал он своей сестре Франческе, – что я вернулся в Романью... Та же манера развлекаться –

шумно, заразительно. Внезапный громкий хохот. Потом меланхолия и немного слез. Мне показалось, что я сижу в Гамбеттоле за столом рядом с грубоватым, но улыбчивым дядей. Дядя излучал уверенность в себе и своего рода старомодность – в лучшем смысле этого слова».

Рисунки, скетчи, каракули, как он сам их называл, – недолговечны. Рисунки, нарисованные фломастером, исчезнут через сотни лет под воздействием света и воздуха, точь-в-точь как фрески из его картины «Рим», открытые в тоннеле метро и тающие на глазах под воздействием воздуха. Возможно, Феллини (он ведь такой шутник) этого как раз и хотелось, чтобы от его искусства не осталось и следа. Фантазии так эфемерны.

ПОНЗА

На морскую прогулку на остров Понза итальянцы забрали нас в первое же воскресенье, не дав толком адаптироваться к июльскому зною. Нас – это меня, переводчицу, и группу примерно из двадцати русских детей, прибывших в рамках благотворительной программы «Дети из России» на летний отдых в Италию. Накануне нашего приезда итальянским семьям объявили, что детей они будут принимать из Чернобыля, то есть особо нуждающихся в щедром солнце и ласковом море. Однако в то лето Министерство иностранных дел выделило по разнарядке партию мурманских детей, на взгляд итальянцев, очевидно, ослабленных: в черно-белой одежке, не лоснящихся упитанностью, а главной, бледных. Естественно, откуда в Мурманске солнце? Хотя море там есть, не Средиземное, зато свое, Баренцево, бьющее холодной белой пеной. И если бы Афродите суждено было родиться из мурманского прибоя, она должна была бы появиться в чем-то вязаном, во всяком случае, в вязаной шапочке и вязаных носках.

Принимала нас провинция Лацио. Географически провинция – самая серединная. Столица – город Рим. Вечный Рим. На юг от него, в двадцати километрах южнее, и размещался городок Латина, который принимал русскую делегацию. Городок был заложен и построен Муссолини прямо в сердце Понтийских болот в 1934 году, за что итальянцы чтят дуче до сих пор, так как он предоставил им работу. Дочери хозяйки, примерно одного со мной возраста, буквально с порога осведомились у меня: «А в Москве работа есть?»

– Работа?.. – протянула я философски, допивая вторую чашечку эспрессо (и совершенно напрас-

но, так как последующие три ночи провела с открытыми глазами), – да, у нас ее сколько хочешь... этой работы. Мы в России вообще часто друг другу говорим: «Работа не волк, в лес не убежит».

– Неужели? – с завистью протянули девочки, как бы примериваясь, тотчас ли им брать билеты в Москву или посоветоваться все-таки с женихами.

В первое же воскресенье мы погрузились в ближайшем порту Анцио на прогулочный катер и поплыли на остров Понза. Остров маленький, но с цветным городком, белыми яхтами на стоянке и второй бухточкой на другом конце острова. Те, кто читал Гомера, знают, что это остров Цирцеи. Берегитесь, мореходы! Островок знаменит еще тем, что Феллини снимал на нем свой скандальный фильм «Сатирикон», и – тоннелем, проложенным римскими легионерами. Тоннель прорыт в горе и соединяет два берега. В случае высадки неприятеля в одной из бухт центурион уводит свою сотню подземным коридором на противоположный берег и отчаливает на триремах. Тоннель широкий и высокий. Пройдут и кони, и повозки. Своды выложены тесаным камнем. Работа на века и на славу.

Пройдя два километра в тени и прохладе, мы наконец вышли из тоннеля. И когда мы вышли из него на крохотный песчаный пляж, все вокруг заливало солнце. Ни деревца, ни навеса, ни малейшего намека на тень. Открытая арена Колизея. Умри, гладиатор, достойно, приветствуя своего диктатора – Солнце.

Хозяева благоразумно захватили с собой пару парусиновых зонтиков, но на всю группу этой тени не хватило бы. Наказав строго мурманчанам находиться исключительно в тени зонтиков, я, подобно римскому легионеру, стала оценивать диспозицию. Необходимо было обнаружить тень, и я обнаружила ее. В ста метрах прямо по курсу из воды кустами торчали, заливаемые зеленой тирренской волной, небольшие скалы, густо усеянные морскими ежами, дотрагиваться до которых не следовало ни ногой, ни рукой. Облачившись в купальник, я вошла в море, соленое и совершенно прозрачное как слеза, и поплыла к цели. Подплыв совсем близко, я обнаружила в углублении одного уступа маленькое сиденьце, так что если вжаться в него, то можно было оставаться в тени. Я забила в это спасительное креслице – и те пять часов, которые нам предлагалось наслаждаться пляжем и морем, провела, тесно прижавшись спиной к скале. И на все предложения плыть к берегу, есть пиццу, бутерброды, пить апельсиновый сок, улыбаясь, приветливо махала рукой – мол, мне здесь очень хорошо, и

вообще в душе я – вроде ихтиолога, и мне радостно использовать такую редкую возможность – изучать жизнь морских ежей.

И все же всей апеннинской тени не хватило, чтобы укрыть меня целиком, как и сестре из сказки Андерсена «Дикие лебеди» не хватило крапивы, чтобы довязать рубашку младшему брату, оставив у него незащищенными руки, а у меня – ноги. Вечером от колен до ступней мои ноги были багровыми, как будто их ошпарили кипятком. А бледным мурманчанам, которые проигнорировали зонтики, – так им хотелось быть похожими на загорелых латинян – пришлось совсем худо. К вечеру они затемпературили – и все последующие дни присутствия в Италии по благотворительной программе, краснея и белея в очередь, облезали.

На обратном пути с нами приключилось нечто вроде истории. Когда наш катер, набрав пассажиров на обратный рейс «Понза – Анцио», отдав концы, забурлил под собой морем и начал медленно отчаливать от берега, маленькая собачка одного из пассажиров неожиданно прыгнула за борт (вероятно, ей почудилось, что она потеряла хозяина или что тот остался на берегу). Истинно по-собачьи, то есть лапками под себя, собачка быстро поплыла к пристани, но вскарабкаться по отвесной кладке не смогла. Расстояние от воды до гранитного края пирса было где-то около двух метров. Собачка начала плавать вдоль стены, как в колодце. В эти самые мгновения ее хозяин переживал нешуточный стресс. Он побледнел, схватился сначала за голову, потом за сердце, наконец совсем обмяк и был не способен ни к какой деятельности. Зато все остальные пассажи-

ры, моментально проявив нешуточную сообразительность, гуртом бросились к рубке капитана.

Капитан без всякой ругани и мата, как бы, я представила, это могло происходить на наших морях, тотчас согласно забурлил корпусом своей триремы к причалу. На берегу один мужчина, перегнувшись, уже старался схватить собачку за шиворот, но не доставал. Две-три попытки ни к чему не привели. Тогда он попросил тех, кто стоял поближе, поддержать его за ноги, на что откликнулись охотно еще двое местных жителей. Теперь, перегнувшись совсем низко к воде, он смог ухватить обессиленную собачку и передать ее стоявшим рядом с ним итальянцам. Тут и наш катер выставил трап. Мокрую, перепуганную, поскуливающую собачку, полизывающую всех и вся, передали из рук в руки такому же перепуганному насмерть хозяину. Наконец все пассажиры с облегчением выдохнули и заулыбались.

И тут все разом на берегу и на палубе одновременно стали аплодировать. Мы, конечно, тоже захлопали. Так было ясно всем, что аплодисменты предназначались равно и капитану, и команде, и тем, кто помогал на берегу и просто соперничал, и тем, кто уплывал морем на материк, и проложившим нужный тоннель прадедам, в общем – всем, всем, всем. И в самый солнечный полдень над синим-синим морем, над белеющей парусами и чайками бухточкой без всякого перевода отстучало громко толстовское: «Да здравствует весь Мир!»

□

Наталья Сидоровна СЛЮСАРЕВА

родилась в городе Дальнем Приморского края.

Окончила факультет журналистики МГУ.

Работала в редакции журнала «Советские профсоюзы».

В настоящее время – переводчик с итальянского, писатель.

Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Крещатик», «Волга»,

«День и ночь».

Дипломант конкурса «Вечная память» (2005 г.)

за книгу мемуаров об отце «Мой отец генерал».

В издательстве «Рипол Классик» (Москва) готовится к изданию книга повестей и рассказов.

Живет и работает в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

